

Андрей Завалий*

Рецензия на книгу Р. Ауди «Practical Reasoning and Ethical Decision»

Что определяет разумность или неразумность конкретного поступка? В чем заключается рациональная обоснованность действия? Чем объяснить «слабость воли» (акразию), и где то связующее звено, соединяющее воедино практическое рассуждение и действие, основанный на этом рассуждении? Верно ли, что в контексте практических решений моральные доводы имеют абсолютный приоритет перед иными доводами, не относящимися к сфере морали? Эти вопросы в центре внимания известного американского философа Роберта Ауди (Нотр-Дамский университет) и его недавно вышедшей монографии «Практическое рассуждение и этическое решение»¹. Профессор Ауди убежден, что ключ к решению этих вопросов может быть найден путем анализа центрального понятия практического рассуждения. В более отдаленной перспективе, Роберт Ауди стремится показать, что стандарты рациональности или разумности универсальны и не зависят от временного или культурного контекста, продолжая, тем самым, Кантианскую традицию в моральной философии.

Традиционно все логические рассуждения делятся на теоретические и практические. Это разделение основано на различии целей двух видов суждений. Рассуждение теоретическое полагает своей целью схватывание некой истины, то есть обретение знания; тогда как практическое суждение нацелено на принятие какого-то конкретного решения при наличии нескольких вариантов поведения. Успех теоретического суждения заключается в том, чтобы предъявить достаточные основания для принятия того или иного утверждения. С другой стороны, рассуждение практическое достигает своей цели тогда, когда представлены достаточные основания для принятия практического решения. Очевидно, что различие целей предполагает различные критерии оценки двух видов суждения. Так уж сложилось, что в

* Об авторе: Андрей Завалий (Andrei Zavaliiy), Ph. D., Assistant Professor of Philosophy, American University of Kuwait.

1 Audi R. Practical Reasoning and Ethical Decision. – London, N. Y., 2006.

философской литературе проблеме оценке теоретического суждения, то есть логике в широком смысле слова, уделяется гораздо больше внимания, чем проблеме оценки суждения практического. Каждый, немного знакомый с философией, с легкостью назовет типичные логические ошибки индукции или дедукции, подрывающие силу аргумента. Но, наверное, потребуются определенные усилия, чтобы обоснованно, аргументированно объяснить, в чем именно заключается разумность или неразумность того или иного решения или поступка. Прежде всего, остается нерешенным вопрос, можно ли оценивать с точки зрения рациональности конечную цель поступка, или же конкретный поступок нужно оценивать лишь по критериям его эффективности в достижении любой цели, которую поставит перед собой человек. Очевидно, что варианты ответов на этот вопрос в истории философии более разнообразны, чем, скажем, варианты ответов на вопрос о действительности или недействительности силлогизма. По этой причине, книга Роберта Ауди несомненно будет с интересом воспринята специалистами в области теоретической и прикладной этики. Ясная, систематическая манера изложения автора помогают прояснить суть таких классических понятий как «слабость воли», рационализация поступков, практический силлогизм, восходящих ещё к «Этике» Аристотеля. В то же время, Ауди, отталкиваясь от многовековой традиции, предлагает свою оригинальную теорию практического суждения и рационального объяснения действия, которая, по крайней мере, заслуживает самого пристального внимания.

С самого начала автор очерчивает ту историческую традицию, в контексте которой развиваются его собственные исследования. Первые три главы книги (первая часть) посвящены Аристотелю, Юму и Канту соответственно, чьи взгляды на проблему практического суждения оказали наибольшее влияние на последующую философию. Несмотря на очевидную разницу в их взглядах, Ауди находит, по крайней мере, одну точку соприкосновения между ними. В своих объяснениях интенциональной деятельности человека все три мыслителя принимают так называемый тезис соответствия (*correspondence thesis*), то есть положение о том, что каждому преднамеренному поступку соответствует как минимум один практический силлогизм, чьи посылки выражают как желания, так и обоснованные убеждения относительно способов достижения желаемого. Это, конечно, не означает ещё, что каждый из нас ясно формулирует подобный силлогизм перед тем, как принять решение. Но если допустить, что каждое осознанное действие может быть

соотнесено (пусть *post factum*) с такой логической конструкцией, то мы впервые получаем возможность рациональной оценки самого поступка путем критической оценки соответствующего силлогизма.²

Согласно Ауди, практическое рассуждение должно оцениваться как минимум по четырем параметрам: логический, эпистемический, материальный и критерий каузальной выводимости (*inferential*). Первые три критерия можно отнести как к теоретическому, так и к практическому рассуждению. Критерий логичности спрашивает о действительности дедуктивного аргумента, либо и силе индуктивного умозаключения. Эпистемическая (*epistemic*) оценка суждения касается вопроса об обоснованности посылок нашего аргумента, тогда как материальный критерий спрашивает об истинности этих посылок. Но вот последний параметр, параметр каузальной выводимости, относится исключительно к сфере практического мышления. В данном случае, нас интересует не столько логическое соотношение между посылками и выводом в аргументе, сколько сам процесс мышления. Оценивая некое практическое суждение по критерию выводимости, мы спрашиваем о наличии причинно-следственной связи между практическим выводом, который становится основой для дальнейшего действия, и основаниями для этого действия, указанными в посылках практического силлогизма. Случаи рационализации (*rationalization*), то есть, объяснения намерений и поступков задним числом с отсылкой к доводам, которые на самом деле не являлись мотивирующим фактором в момент принятия решения, есть примеры практического суждения (а также действия) не соответствующего четвертому критерию рациональности. Иными словами, в случае рационализации, предложенный силлогизм (как некое рациональное объяснение поступка) не имеет каузальной связи с самим поступком³.

2 Классический практический силлогизм впервые сформулирован Аристотелем в «Никомаховой этике» и представляет собой попытку установить связь между суждением о благе, как непосредственной цели действия («Я хочу достичь X» – большая посылка), дополненного суждением о шагах, которые необходимо предпринять, чтобы достигнуть заявленное благо («Для того, чтобы достичь X, нужно сделать Y» – малая посылка), и практическим выводом-действием (собственно «деланием» Y, либо обретением достаточной мотивации для совершения Y).

3 Ауди удачно иллюстрирует понятие каузальной выводимости отсылкой к известному Кантовскому делению на поступки, совершенные *из чувства долга*, и поступки лишь *сообразные долгу*. Торговец, не запрашивающий сверх установленной цены и честно обслуживающий покупателей из корыстных побуждений *мог бы* придти к такому же практическому выводу на основании соответствующего морального аргумента, апеллирующего к принципу честности. Но очевидно, что его поведение каузально

Трудности иного рода возникают когда мы обращаем более пристальное внимание на второй, т. е., эпистемический, критерий рациональности практического суждения. Как известно, в сфере теоретической аргументации возникает немало вопросов о достаточных условиях, при которых мы «в праве» принять посылки данного аргумента. Весь внушительный арсенал скептических сценариев направлен именно на то, чтобы подорвать нашу уверенность в том, что посылки аргумента достаточно обоснованны или хотя бы приемлемы в данных условиях. Ещё сложнее обстоит дело с посылками практического силлогизма. Ведь большая посылка здесь выражает цель или желание действующего, и вопрос чаще всего не в том, действительно ли человек имеет такое желание (вопрос об искренности), а в том, следует ли ему хотеть именно это, то есть, следует ли ему ставить перед собой именно эту цель.

Ауди верно подмечает, что и Аристотель, и Юм, и Кант считали возможным оценивать разумность действия с точки зрения его связи с заданной целью. Разумность поступка (его инструментальная рациональность) во многом зависит от того, насколько выбранное действие эффективно для достижения поставленной цели. Но можно ли оценить саму цель с точки зрения разума? Здесь между тремя философами обнаруживается существенное различие. Как известно, Аристотель и Кант ограничивают сферу разумных целей определенными рамками, в то время как для Юма единственно возможная рациональность действия это инструментальная рациональность. Для Аристотеля основным «ограничителем» возможного целеполагания является понятие счастья (*eudaimonia*) как высшего блага для человека. Нормативность его подхода заключается в утверждении, что счастье не только по факту является конечной целью всех наших поступков, но и должно таковым являться. Таким образом, всякая непосредственная цель поступка, выраженная в большой посылке практического силлогизма, может быть оценена с точки зрения ее способствования приближению нормативной конечной цели – счастья.

Подобно Аристотелю, Кант также ограничивает сферу разумных целей и желаний, но уже на иных основаниях. Эвдемонистическая этика

связано с другим рассуждением, апеллирующим к личной выгоде. Таким образом, максима, на которой основано честное поведение торговца, вполне *выводима* из морального силлогизма, но, однако, не была из него *выведена*. См.: Кант И. Основоположения метафизики нравов // Кант И. Собр. соч. в 8-ми тт. Т. 4. – М., 1994. – Сс. 165-66).

Аристотеля отклоняется в пользу понятия о внутренне присущей (intrinsic) рациональности моральных доводов, выраженных в форме категорического императива. По Канту, во всех случаях конфликта между целями основанными на моральных доводах и целями, не имеющими моральной подоплеки, разумный человек должен предпочесть первые цели вторым. Разумеется, сила этого долженствования покоится на фундаментальной Кантовской доктрине о способности разума стать достаточным побудительным мотивом для дальнейшего действия.

Юм, в противовес Аристотелю (и, нарушая хронологию, в противовес Канту), представляет совсем иную традицию. Отталкиваясь от утверждения, что никакое абстрактное или демонстративное рассуждение не может предоставить достаточный импульс для действия, если оно не сопровождается соответствующим аффектом, Юм признает оценку поступков только с точки зрения их инструментальной рациональности. Разумность конкретного поступка определяется его оптимальной эффективностью в достижении некой, заранее поставленной, конечной цели, тогда как сама произвольно выбранная конечная цель остается «неподсудной» разуму.⁴

Позицию Юма в этом вопросе Роберт Ауди определяют как «неограниченный плюрализм» – Юм отказывается признавать любые рациональные ограничения в процессе целеполагания. Вопреки Аристотелю, даже цель, осознанно ведущая к гибели действующего лица не может быть, согласно Юму, исключена из списка рационально-возможных целей, только на том основании, что она не способствует достижению счастья. По той же причине, и явно аморальная цель (вопреки Канту) не может быть уличена в рациональной недостаточности.

Вторая и третья части книги Роберта Ауди посвящены как раз серьезной критике «неограниченного плюрализма» Давида Юма. Позиция Юма близка утилитарному определению разумного действия, как действия с максимальной ожидаемой пользой (utility). Такой подход исключает приложение объективных критериев рациональности к заданной конечной цели действия, то есть, подразумевает, что большая

4 «Я ни в коей мере не вступлю в противоречие с разумом, если предпочту, чтобы весь мир был разрушен, тому, чтобы я поцарапал палец. Я не вступлю в противоречие с разумом и в том случае, если решусь безвозвратно погибнуть, чтобы предотвратить малейшую неприятность для какого-нибудь индийца» (Юм Д. Собр. соч. в 2-х тт. Т. 1. – М., 1966. – С. 557).

посылка практического силлогизма, содержащая суждение о неком конечном благе для действующего, выпадает из сферы рационального анализа. Этот взгляд однозначно неприемлем для нашего автора, и он ищет защиту от Юмовского релятивизма в опоре на Кантианскую рациональность и Аристотелевскую концепцию о полноценном, счастливом человеке. Возражая Юму, Ауди готов принять Кантовское положение о том, что некоторые объекты имеют объективную, внутренне присущую им ценность, но с важными оговорками. Главная поправка, которую вносит Ауди в Кантовскую теорию самоценных объектов заключается в том, что он не хочет ограничивать их только понятиями, относящимися к сфере моральных ценностей. Ауди предлагает расширить Кантовскую шкалу безусловных ценностей за счет (в широком смысле) «аристотелевских» идеалов. Такие неморальные ценности как собственное счастье или счастье других людей вполне могут находиться в конце интенциональной цепи желаний в качестве конечной цели, а, следовательно, и предоставить легитимную основу для нормативно-рациональной оценки каждого конкретного действия. Принимая плюралистическую концепцию ценностей Ауди не видит ничего невозможного и в том, чтобы конечной целью поступков конкретного человека стало, например, развитие философии, прогресс науки или процветание искусств. Свой взгляд на предмет, таким образом, Ауди определяет как «ограниченный плюрализм», противопоставляя его «неограниченному плюрализму» Давида Юма. Но, к сожалению, автор недостаточно поясняет, где именно проходит граница между ограниченным и неограниченным плюрализмом ценностей, и где тот критерий, который позволит нам отделить ценности приемлемые (с точки зрения рациональности) и ценности неприемлемые. В этом вопросе Ауди слишком сильно, на наш взгляд, полагается на ресурсы *практической мудрости*, предоставляя ей право разрешать все возникающие конфликты и принимать конкретные решения.

Для Ауди понятия рациональности (rationality) и обоснованности (well-groundedness) эквивалентны. Действие рационально тогда и только тогда, если оно правильно обосновано. Понятие правильной основы (good ground) действия, в свою очередь, предполагает, во-первых, наличие рационально приемлемой цели (большая посылка силлогизма, выражающая мотивацию), во-вторых, верного суждения об оптимальном способе достижения этой цели (фактическая посылка), и, наконец, практического вывода-действия, состоящего в каузальной связи с обеими посылками. Во второй части книги Роберт Ауди не только объясняет, но

и, несомненно, обогащает эту, во многом классическую, картину практического рассуждения и интенционального действия своим нестандартным подходом к проблеме и пристальным вниманием к деталям. Наконец, в третьей части Ауди предлагает опробовать свою теорию практического мышления на практике – на примере принятия этического решения. Отталкиваясь от убеждения, что требования морали не могут противоречить разуму, он все же останавливается в шаге от Кантовского, более требовательного утверждения, что требования разума *всегда* поддерживают действие, направленное на исполнение моральных обязательств. Примеры конфликтов несовместимых моральных обязательств, а также примеры конфликтов между требованиями морали и иными, неморальными ценностями, предоставляют широкий простор для приложения богатого инструментария теории практического мышления, выработанного Ауди. Книга послужит ценным теоретическим инструментом для специалистов, работающих в сфере философии действия, моральной мотивации, социологии рационального выбора, и некоторых областях метаэтики.

Ниже на суд читателя представлен мой перевод 9-ой главы книги Роберта Ауди из последней, третьей части (Рр. 172-186, с небольшими сокращениями), по сути являющейся ключевой главой всей монографии. В данной главе философ примеряет вышеизложенную теорию рационального действия на сферу морали, что, собственно, и являлось основной целью монографии. Испытывая явное тяготение к *ситуативной этике*, автор показывает на ряде примеров недостаточность одного или двух фундаментальных моральных принципов (таких как категорический императив Канта или принцип утилитаризма) для принятия конкретных жизненных решений, и, вполне в духе Аристотеля, апеллирует к практической мудрости как к высшему арбитру для разрешения конфликта обязательств. В этом контексте также находит своё дальнейшее развитие сформулированный ранее центральный тезис Ауди – тезис о плюрализме безусловных ценностей, обеспечивающих внутреннюю рациональность основанных на них практических решений.